

ОДИНОЧЕСТВО И МОРЕ

Михаил Гофман

Михаил Гофман
Одиночество и море

«Издательские решения»

Гофман М.

Одиночество и море / М. Гофман — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502606-4

«Как сильно я люблю тебя! Завтра, милый, ты непременно умрешь». В сборнике представлены шесть рассказов, каждый из которых ярок и увлекателен по-своему. Истории расскажут арабские террористы, испанские футболисты, египетский жрец Анубиса, паладин и эльфийская белая колдунья, одинокий писатель-алкоголик и собака, достигшая состояния Будды. Кто-то грустную, кто-то радостную, кто-то философскую, но скучно точно не будет.

ISBN 978-5-00-502606-4

© Гофман М.
© Издательские решения

Содержание

О любви, борьбе и смерти двух птиц	6
Мушины горести	9
Рамон из Овьедо	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Одиночество и море

Михаил Гофман

© Михаил Гофман, 2019

ISBN 978-5-0050-2606-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О любви, борьбе и смерти двух птиц

У меня с Минь Юэ отношения, можно сказать, идиллические: мы вместе уже больше года, но до сих пор, просыпаясь по утрам и глядя на то, как она спит, слушая ее нежное дыхание, меня переполняет такое сильное чувство, что кажется, если не дать ему выхода, я взорвусь, распадусь на атомы. Но как дать выход? Хочется сжать ее в объятьях так сильно, чтобы хрустнули кости, хочется съесть, нет, сожрать ее, и я непременно сделал бы это, если б не боялся своим вмешательством нарушить ее внешне хрупкую, совершенную красоту.

Если бы Минь Юэ захотела, своей красотой она затмила бы всех модных нынче моделей и актрис Поднебесной и на равных сражалась бы за звание первой красавицы с самыми яркими звездами по ту и по эту сторону океана. Слава Богу, Минь Юэ это не интересно. Другая двадцатилетняя девчонка на ее месте давно бы уже свихнулась от своей красоты. Судите сами: кожа ее, нежная как шелк, без единого изъяна, цвета топленого молока, контрастирует с черными блестящими длинными волосами. Хоть она китаянка, но глаза у нее большие, а взгляд дурманящий, и за эту форму глаз императрица Цы Си не пожалела бы всех богатств Поднебесной. Когда Минь Юэ улыбается, комната словно наполняется сиянием. Мне всякий раз хочется почтительно склониться перед ней, поблагодарить ее за то, что она своим существованием украшает этот мир. Иногда я вижу, как смотрят на нее прочие мужчины, и вижу в их глазах не только вожделение, но и благоговение. Сам бы я стыдился той страсти, которая вскипает во мне, когда Минь Юэ движением грациозным, как полет лебедя, и стремительным, как бросок тигра, сбрасывает с себя шелковую ночную сорочку и я вижу все ее голое совершенство.

Тело Минь Юэ никогда не скажет вам о том, чему она посвятила жизнь. Широкие крутые бедра, небольшие, но словно наполненные изнутри, так и просящиеся в руку грудки, в то же время она выглядит поджарой, а по стальным икрам легко угадывается танцовщица или теннисистка. Эта смесь грациозности и силы не раз обманывала окружающих. Но только не меня. Мне достаточно одного взгляда на взмах ее ресниц, чтобы понять, что передо мной выдающийся мастер Пути Тысячи Птиц. Если бы даже ее отец, Великий Учитель Лю Фэй, не передавал мне мастерство Пути в течение десяти лет, я и тогда бы понял это, ведь в каждом ее движении таится смерть.

Больше года назад я прервал свое обучение, и мы с Минь Юэ отправились путешествовать. Больше года я живу с прекраснейшей из женщин, и больше года каждый день, а иногда и несколько раз за день, она пытается меня убить.

Вот вчера, например, мы решили взобраться на ту горку, что давно не давала нам покоя, потому что казалось, что с нее должен открываться прекрасный вид на Эдинбург. Мы прихватили с собой немного хлеба, упаковку паштета и несколько банок пива и взобрались туда, чтобы устроить пикник с видом на город. Когда мы поднялись, перекусили, выпили и слегка захмелели, Минь Юэ принялась ластиться ко мне, целовать меня, а потом вскочила и смеясь сказала:

– Хочешь – догони.

Она побежала вверх, на самую вершину, а я бросился за ней, сгорая от нетерпения и страсти. Когда же я догнал ее и уже почти схватил, чтобы обнять, движением быстрым, как мысль, Минь Юэ выбросила руку, чтобы сломать мою гортань. Я, конечно, ждал чего-то в этом духе, а потому успел парировать удар.

– За честь семьи Лю! – вскричала она и с яростным визгом, от которого солнце трусливо спряталось за облако, бросилась в атаку.

Ее стиль кажется мне совершенным, не зря отец назвал ее Возрожденной Ласточкой, легендарной основательницей Пути Тысячи Птиц. Конечно, мне за десять лет усердных тренировок удалось далеко продвинуться по этому Пути, но все же до ее чистоты техники мне

было далеко. Тем удивительней, что раз за разом мне удавалось отбивать ее атаки, хоть я знал, что она на крови поклялась убить меня за нанесенное ей оскорбление.

В тот день на эдинбургской горе мы дрались минуту, а может час или десять часов, а под конец, изнуренные, в одежде, пропитанной потом, мы повалились в объятия друг друга и мгновение спустя так страстно занимались любовью, словно это было в последний раз.

Не могу не признать одно, и в этом большая мудрость Минь Юэ, любовь на краю гибели свежа, словно утренняя роса, и прекрасна, как рассвет. Кто знает, как бы сложились наши отношения, если бы не ее клятва. Быть может, как это часто бывает, когда первая влюбленность прошла бы и начались бы все те вещи, что раз за разом съедают, казалось бы, самую яркую любовь, мы, как это положено, пробыли бы вместе три года, может пять, затем расстались бы, унося в сердце горечь и разочарование. Сейчас же я твердо знаю одно: каждый день, который мне удастся отвоевать у моей Эриды, наполнен для меня смыслом и благодарностью за то, что я вообще его проживаю. Находясь постоянно на пороге смерти, легко отделить важное от пустого, ценное от мишуры. Мысль о том, что она однажды убьет меня, заставляет меня втройне ценить те моменты, когда она не пытается это сделать. К тому же между нами есть нечто вроде молчаливого уговора: чтобы восстановить честь рода Лю, Минь Юэ должна убить меня так, как воин убивает воина, в открытом поединке, назвав свое имя и причину атаки.

Минь Юэ не настоящее имя моей возлюбленной. Вполне очевидно, что будучи дочерью Лю Фэя, звать ее должны Лю Как-Нибудь-Там. Однако в тот день, когда она поклялась смыть позор, она взяла другое имя и будет носить его до тех пор, пока не убьет меня, а честь рода Лю не будет восстановлена.

Сегодня днем мы с Минь Юэ, как и всюду, куда приезжаем, давали мастер-класс для всех ценителей кунг-фу. Собралось человек двести поклонников восточных единоборств, и Минь Юэ в привычной мягкой, хоть и не терпящей пререканий манере вела занятия, показывая удивительное понимание внешних и внутренних стилей, демонстрируя тонкости перемещения, работы голой рукой и с оружием. На последнем этапе, подав знак помощнику, она попросила заменить учебный цян на соревновательный. Цян представляет из себя двухметровое древко с клинком, похожим на европейский меч. Учебные цяны делают по возможности безопасными, чтобы ученик не травмировал по неосторожности себя или окружающих. На соревнованиях выступают с цяном, похожим на боевой, но, разумеется, с тупым клинком. Едва Минь Юэ взяла оружие в руки, как я увидел, что она хорошо потрудилась над заточкой, и прежде чем она, не переставая улыбаться собравшейся публике, сделала выпад, я перекатом через спину оказался у стойки с оружием и выхватил из ножен короткий прямой меч.

– А сейчас мы увидим поединок двух мастеров, – объявил ведущий мастер-класса.

– Род Лю должен быть отмщен! – торжественно объявила Минь Юэ под аплодисменты.

Никому, конечно, и в голову не пришло, что весь последующий поединок, наполненный уворотами на волосок от гибели, акробатическими приемами и звоном клинков, не был постановкой. Для зрителей все выглядело так, будто мы разыграли заранее подготовленный спектакль. Наверное, кто-то из них выложит потом на фейсбуке видео или фотографии этого поединка и удивится, как натурально я разыграл смертельный ужас, когда Минь Юэ выбила меч из моих рук, и дополнит это комментарием, что в настоящем поединке едва бы мне удалось отбить заточенное лезвие голой рукой, затем, ловко перебирая руками, подобраться по древку почти к самой Минь Юэ, сбить ее с ног, а завладев цяном, встать в нарочито красивую позу: низкая стойка с далеко отставленной вперед левой ногой, на правой я почти присел, одна рука смотрит в сторону противника, вторая, с цяном, поднята над головой, клинок нацелен в горло моей соперницы. Стойка, между прочим, называется «хвост скорпиона» и, конечно, не относится к Пути Тысячи Птиц. Минь Юэ клокотала от злости, но поделаться ничего не могла. Она улыбнулась мне и сообщила зрителям, что я только что продемонстрировал редкую, хоть и очень опасную технику обезоруживания противника.

Ночью, перед тем как заснуть, она поцеловала меня и прошептала по-китайски: «Как сильно я люблю тебя! Завтра, милый, ты непременно умрешь», а потом улыбнулась и уснула крепким сном, каким спят младенцы и люди, совесть которых ничто не тревожит. А я сидел на кровати, любовался ее необыкновенной красотой и думал о том дне, когда мастер Лю Фэй сказал мне, что я постиг все секреты Пути Тысячи Птиц, кроме одного. Когда же я спросил его, что я могу сделать, чтобы он передал мне этот последний секрет, он ответил, что этот секрет передается только членам семьи Лю. Я был обескуражен, раздосадован, взбешен, пока не понял, что ничего невозможного нет и если я не родился в семье Лю, то могу стать ее членом, если дочь моего наставника станет моей женой. На свою голову мне удалось очаровать ее, но я и сам влюбился, и если вначале я был движим корыстным желанием постичь все тайны Пути Тысячи Птиц, то затем во мне не осталось ничего, кроме всепоглощающей любви к Минь Юэ. Когда же мы пришли к Лю Фэю, чтобы испросить его разрешения сыграть свадьбу, он резко отчитал нас, сказал, что никогда не даст разрешения дочери жениться на не-китайце, а дочь его, опозорившая себя и семью, должна быть изгнана. В тот день Минь Юэ поклялась убить меня, но так как ей не удалось немедленно это осуществить, мы вместе отправились в изгнание.

Поначалу мне казалось, что Лю Фэй подстроил это, чтобы совершенствовать наши воинские навыки, ведь каждый день, сражаясь не на жизнь, а на смерть, мы оттачиваем технику и совершенствуем дух. Да, наверное, Лю Фэй думал и об этом. Однако недавно я понял гораздо более важную вещь. Мне открылся последний секрет Пути Тысячи Птиц. Раз за разом выживая после атак Минь Юэ, я задавался вопросом, как может выходить так, что человек с техникой более совершенной, чем моя, на крови поклявшийся убить меня, не может преуспеть в своем начинании? Когда же я нашел ответ, я рассмеялся и постиг главный секрет Пути Тысячи Птиц.

Мусины горести

Новенький парнишка оказался ни к черту: я еще из коридора услышал его истеричные вопли, а уж когда его под руки ввели в кабинет двое братьев, то я по выражению лица понял, что толковой работы не получится. То ли дело вчерашний русский, офицер разведки: как я ни старался, а за первые полчаса мне не удалось извлечь из него ни слова, только глухие, сдавленные стоны да взгляды, исполненные ненависти. Такое поведение всегда вводит меня в профессиональный азарт, возникает вопрос: смогу или не смогу? Конечно, когда я принялся за мошонку, даже стальной русский заорал, как баран на бойне, но это, согласитесь, из разряда unfair play. К сожалению, времени мне на каждого человека отводят мало, а не то я подобную тяжелую артиллерию отложил бы на потом. Интересно ж посмотреть, что из более конвенционных методов сломило бы его характер? Да, разведчик держался стойко, не то что эта размазня из парижского сопротивления. Когда паренька втащили и пристегнули к стулу, он бросил короткий взгляд на стол с инструментами и тут же обоссался. В ноздри ударил едкий запах, так что я скривился и заругался, а парниша, пузырясь слюной и размазывая сопли и слезы по лицу, бешено артикулируя, принялся умолять о пощаде. Поминал маму, заклинал Богом, говорил, что расскажет все, о чем бы я ни спросил. Я легонько ударил его под дых, чтобы он хоть ненадолго замолчал, отвернулся к столу и взял в руки «кошечку».

– Что ты скулишь, как баба? – спросил я. – Я ведь еще даже не начал.

Ушлепок заголосил, как на похоронах, а ведь я снял такой крошечный кусочек кожи, пять на пять миллиметров. В былые времена, когда я еще работал на кухне трехзвездочного мишленовского ресторана, я, бывало, резался поварским ножом глубже, чем эта смешная царапина. Надо же, как давно это было, еще до первой революции.

В общем, хорошей работы не вышло. Через четверть часа слабак потерял сознание от боли, так что я вырвал ему язык и глаза и попросил отнести его в мертвецкую. Тамошние ребята позаботятся и о том, чтобы парень перестал дышать еще до заката, и о том, чтобы ценные органы не пропадали зазря. Когда его вывели, я попросил десять минут перерыва, достал из пачки «Галуаз» сигарету и закурил, разглядывая в окно пеструю парижскую толпу, спешившую по своим делам. На секунду мне показалось, что ту цыпочку в голубом хиджабе я знаю, но в следующий момент порыв ветра унес сизый сигаретный дым, и вместе с тем наваждение рассеялось. Кажется, я самый одинокий человек во всем Париже: ни семьи, ни друзей. Только братья и сестры по вере.

Я сделал последнюю глубокую затяжку, шумно выдохнул, огляделся и выбросил окурочек в окно. Подошел к двери и дважды ударил в нее кулаком, давая сигнал братьям снаружи, что я готов принять следующего пациента. И вдруг на секунду время остановилось, замерло, остекленело, а сердце мое перестало биться, будто пронзенное иглой. А в следующий миг дверь распахнулась, и двое братьев ввели ее, прекрасную как никогда. В местах изодранном, но безупречно элегантном коротком черном платье, с кровью, запекшейся в уголке рта, глазами, полными гневных слез, и вулканом черных кудрей – Адель. Единственную женщину, которую я когда-либо любил.

Мы с ней познакомились в другой жизни. До революции, до всех этих безумных событий, когда правила окружающего мира казались незыблемыми и вечными. Той весной необыкновенно ярко цвели яблони, и пыльца, растворенная в воздухе, щекотала ноздри сладковатым ароматом приключений.

Нас свела судьба. Черда случайностей, казавшихся то бессмысленными, то нелепыми. Знаете, бывает такое, что на кухне перегорела лампочка, и ты открываешь ящик, а там нет запасной. Чертыхаясь, идешь в магазин, но нужный отдел закрыт. Тогда идешь в соседний

и покупаешь свечи, а еще спички, и вот по дороге поскальзываешься и оказываешься в больнице, а на соседней койке с трещиной в бедре, соблазнительная даже в гипсе, лежит любовь всей твоей жизни.

Отношения наши развивались стремительно, да мы и не пытались сдерживаться. Мы будто сидели каждый в своем паровозе, два безумных кочегара, знай себе подбрасывали уголь в топку. Да и пусть, что колея здесь одна, уж как-нибудь да разминемся.

Она смотрела на мир удивительно чистым, почти детским взором. Я вырос в бедной семье, с раннего детства привык заботиться то о младших братьях и сестрах, то о стареющих родителях и этой детской беззаботности, можно сказать, не знал. Адель как будто не собиралась взрослеть. Не в том смысле, что она была инфантильна, не так, чтобы она боялась ответственности или не могла рассудительно смотреть на вещи, но она сохраняла в себе ту удивительную яркость впечатлений, которая свойственна только детям да осужденным на смерть, когда каждый прием пищи, глоток воды, вкус чая или затяжка сигаретой доставляют ни с чем не сравнимое блаженство. Для меня жизнь давно превратилась в рутину, а Адель словно жила в собственном затянувшемся дне рождения.

А как мы трахались! С ней я всегда терял голову. Вспомнить хотя бы тот раз, когда мы ужинали в одном из тех чинных ресторанов, где официанты смотрят на тебя как на человека второго сорта, а в меню ты смотришь сначала на цену, а затем уж на блюдо. Адель выпила бокал шампанского, все хохотала и прожигала меня углями-глазами. Сам не знаю, как мы очутились в туалете, там еще висело это зеркало в тяжелой золотой раме, а Адель схватила за шею мраморного Купидона и закричала ему в лицо:

– Это ты во всем виноват, сучий потрох! Слышишь ты, голожопый мерзкий пакостник? Вот, полюбуйся!

А мгновение спустя я уже был в ней, и мы так бурно занимались любовью, что привлекли внимание кого-то из обслуживающего персонала: дверь на секунду приоткрылась и тут же резко захлопнулась.

«Что за скоты?» – должно быть, подумал официант. А может, просто обзавидовался.

Грудь у Адель необыкновенно упругие, словно два небольших резиновых мячика. Сосочки маленькие и темные, и она прерывисто дышит, когда я ласкаю их языком. Задница у нее словно создана для моих ладоней, и так приятно ее держать, положив Адель на стол. При этом Адель вся состоит из странных, иногда смешных ритуалов. Однажды, прежде чем стащить с нее трусики, я стянул с левой ноги крохотный носочек и тут же поцеловал розовую пяточку, Адель взбрыкнула, я получил мощный тычок в скулу, а она недовольно заворчала:

– Вот надо вам, мальчикам, обязательно ноги целовать.

И так со всем. Вот так за волосы надо, а вот так нельзя. Шлепнуть по заднице включено в райдер, а вот по ляжкам – карается оскотлением. Говорят, что в чужой монастырь со своим уставом не ходят: ее правила я изучил от и до и был готов молиться им куда чаще пяти раз в день.

Иногда мы лежали голые, изможденные после многочасовой страсти, курили и, казалось, окончательно растворялись друг в друге. Я не понимал уже, где кончаюсь я, где начинается она, и чувствуя ее дыхание на моем плече, мне казалось, что это я дышу, а когда я складывал руку ей на грудь, мне казалось, что это мое сердце бьется. Тогда она больно, до крови впивалась в меня когтями, и от этого резкого ощущения тело мое напрягалось как камень, а она забиралась сверху, и я, не веря своим глазам, вступал в новый раунд этого поединка.

Мы пробыли вместе три года, два месяца и семнадцать дней. А потом началась революция. Весь привычный мир трещал по швам. Люди, которых я знал и уважал как коллег, вдруг оказывались по другую сторону пропасти. Человек, которому ты еще вчера жал руку, сегодня не хотел на тебя даже смотреть. На глазах рушились все столпы общества развитого капитализма: выборность власти, банковская система, гражданские свободы – всё слова, брошенные

на ветер. Посреди бушующего моря хаоса мы с Адель были островом непоколебимости и любви до тех пор, пока однажды...

А потом вторая революция, потом Большой Террор, и вот я стою здесь, а в комнату вводят ее: в безупречном маленьком черном платье (она говорила, такое должно быть в гардеробе у каждой женщины), с кровью, запекшейся в уголке рта, и с прожигающими насквозь глазами, исполненными боли и ненависти. Ее пристегивают к стулу и оставляют наедине со мной.

На моем лице маска, и она не узнает меня. Она оглядывает комнату, замечает инструменты на столе, но это же Адель. На лице не отражается страха, зато она с чувством и невероятной скоростью произносит несколько слов по-испански. Я почти не знаю этого языка и разбираю только «козел», «сын» и «шлюха». Да уж, в оценках Адель никогда себя не сдерживала. Я отворачиваюсь к столу, пальцами вожу по инструментам, будто бы примериваясь, какой взять, а в голове при этом толкаются, словно журналисты, желающие взять интервью у звезды, сумбурные мысли.

Что же мне делать-то? Не могу же я «поработать» над женщиной, которую люблю. Легче уж самому оказаться на ее месте, чем причинить ей хоть малейшее страдание. Можно, конечно, достать пистолет да застрелиться. Глупости. Тогда мое место займет другой, и Адели не избежать страшной, жестокой участи. Может, ее застрелить? Быстрая смерть все же гораздо лучше, чем долгие пытки. Я представляю себе, как я щелкаю застежкой кобуры, достаю пистолет и дрожащей рукой навожу на моего ангела. Легче откусить себе нос, чем нажать на спусковой крючок. Все это никуда не годится. Как же мне быть? В глаза попадает яркий луч заходящего солнца, и словно в ответ, я слышу голос сердца, а в следующий миг я снимаю путы с Адель, хватаю ее, ошарашенную, ничего не понимающую, вывожу за дверь. Слава Богу, в коридоре еще пусто, ведь братья не ждали, что я закончу так быстро, и веду ее направо и вниз по лестнице до выхода на улицу. А по дороге произношу скороговоркой:

– Отсюда домой ни в коем случае не иди, отправляйся к кому-нибудь из друзей, кто еще не арестован. Первым делом раздобудь хиджаб, а лучше паранджу. Лучше всего отправляться на север и попробовать пересечь Ла-Манш, хоть на бревне. Это самая короткая дорога. Если не выйдет, то придется попутешествовать, двигай на юг, через Испанию, в Алжир. Как ни смешно звучит, но там сейчас вашим безопаснее всего.

Уже у самого выхода Адель кладет руку мне на бороду и, все еще не в силах поверить в происходящее, сдавленным шепотом произносит:

– Муса? Это ты?

– Ну конечно, я.

Она вдруг запускает руку себе в промежность, и в следующее мгновение я падаю на пол с распоротой шеей. Кровь капает с крошечного клинка, зажатого у нее в руке, и хлещет из разорванной артерии. Адель наклоняется, снимает с меня маску и целует в губы долгим сладким поцелуем, и я испытываю блаженство, доступное только детям да осужденным на смерть.

– Спасибо, милый, – доносится до меня, – я всегда буду помнить тебя.

Слышу удаляющийся цокот каблучков и трубы, которыми меня встречают в раю.

Рамон из Овьедо

В сердце каждого любителя футбола навеки запечатлено воспоминание о том дне, когда «Реал» из Овьедо принимал звезд из Мадрида в матче за право выхода в финал кубка Испании.

Вообразите себе яркий солнечный день, на небе ни облачка, а на эстадио «Карлос Тартьере» не найти свободного места. Стадион на тридцать тысяч мест вместил сегодня, кажется, все сорок. Одних только болельщиков из Мадрида приехала пара тысяч. Что уж говорить про жителей Овьедо: всякий отец, взяв сына, отправился в этот день на стадион, так что в городе разом вымерли все кофейни, рестораны, пивные, винные, и даже если бы вам в этот день вздумалось умереть от инфаркта, то жене, позвонившей в скорую, сказали бы: «Потерпите два часа, свободных машин нет». Но умереть от инфаркта в этот день можно было только на стадионе, ведь накал страстей был таким, что даже люди, далекие от футбола, уже неделю не могли обсуждать ничего, кроме травмы правого вингера из Мадрида, скорости, с которой наши нападающие пробегают стометровку, и конечно, главного вопроса: левая или правая нога Рамона принесет победу?

Положение было непростое: выездной матч в Мадриде закончился поражением с разницей в один мяч, а значит, сегодня нужна была победа. Но как команде из Овьедо победить мадридский «Реал»? Надежда, конечно, умирает последней, но всякий здравомыслящий человек понимает, что хоть в футболе и случается всякое, но тут без чуда не обойтись. Так что же заставило целый город поверить в чудо? Имя этому чуду – капитан овьедского «Реала» Рамон по прозвищу Лев из Овьедо.

Если бы вам довелось встретить Рамона в городе, едва ли вы обратили на него внимание. Разве что непомерно большой рост да огромная кудрявая грива, но лицо скучное, некрасивое. Но стоило вам увидеть Рамона на поле, неважно, болельщиком какого клуба вы являетесь, вы влюбились бы в него с первого взгляда. Рамон был из тех игроков, что играют за троих и успевают всюду: кажется, только что он отобрал мяч у нападающего в защите, а вот он, совершив безумный рывок, выдает точнейшую передачу через половину поля на другой фланг, а в следующее мгновение его кудри замыкают прострел в штрафной соперника, и мяч отправляется в сетку. Стоит ли говорить, что именно Рамон был капитаном «Реала» из Овьедо? Иные говорили: «Не рановато ли в двадцать шесть лет носить капитанскую повязку? В команде есть и более опытные игроки». Дураки, что сказать! Капитан – это тот человек, что ведет за собой команду, человек, на которого смотрят прочие игроки, к советам которого прислушиваются и который является вторым после тренера авторитетом в клубе.

Рамон всю жизнь играет за «Реал» из Овьедо. Воспитанник клуба, он первый матч провел в шестнадцать лет, отметившись одним забитым и одной результативной передачей в ворота «Бетиса». С тех пор, вот уже десять лет, Рамон играет в каждом матче, являясь одновременно звездой и символом преданности команде. Рамон – единственный, кто получил приглашение в сборную Испании, а уж предложений о трансфере в другие клубы руководство «Реала» получает по шесть в день. Мадрид, Барселона, Лондон, Милан, Париж, Москва, Абу-Даби – кто только ни мечтает увидеть Рамона в своих рядах, однако ни деньги, ни громкие имена не могут прельстить героя. На все предложения он отвечает отказом и повторяет, что до конца жизни будет играть в Овьедо. Болельщики шутят, что Рамон родился с сердцем, на котором написано «Овьедо». Теперь-то вы понимаете, что только дурак может спрашивать, почему Рамон назначен капитаном команды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.